

*Посвящается Риши,
первому поверившему*

Роман затрагивает тему жизни людей с полиомиелитом в 30–50-х годах прошлого века. Читатели, которые захотят узнать больше об этом или ознакомиться с опытом людей с подобными недугами, живших в ту эпоху, могут прочитать заметки автора в конце книги.

ПРОЛОГ

Май 1929, Салоники, Греция

— Сутки, может, двое. — Доктор Комнинос вынес свой неутешительный вердикт так, будто зачитывал прогноз по радио или произносил математическую формулу. Он снял стетоскоп, положил его в кожаную санитарную сумку и громко захлопнул ее. Металлическая пряжка замка тускло блеснула.

— Мы хоть чем-то можем помочь? — спросил Тео, пытаясь подавить тоску, сжавшую горло.

Доктор Комнинос задумчиво покачал головой: он знал, что Тео принадлежал миру, где существует вера и даже магия. Но не было смысла скрывать правду о его жене.

— Боюсь, для Джии все кончено. Холодный компресс снимет боль, но вот вашей дочери... — Доктор умолк. За годы работы он понял, что самое трудное в работе врача — это дарить людям ложную надежду. Будучи человеком прагматичным, он полагал, что лучше перестраховаться от таких вещей.

— Так что же? — произнес Тео, не зная, куда деть руки.

— Когда спадет жар, думаю, мне удастся лучше понять, с какими ограничениями ей придется столкнуться. Но сказать по правде, я бы не надеялся на то, что она выживет, — признался доктор Комнинос, выкладывая на

прикроватный стол рулоны бинтов. — Святой Димитрий, должно быть, приглядывает за ней.

— Так она выживет?

Доктор Комнинос вздохнул, предвкушая гору бумажной работы, которая ожидала его в больнице:

— Если жар спадет сегодня ночью, то, как я и сказал, у нее нет причин умирать. Но вот что за жизнь ее ждет? — Он взял свою санитарную сумку и с трудом заставил себя взглянуть в глаза Тео. — Сейчас слишком рано прогнозировать что-то. Но поверь моему опыту: в таких случаях ожидания обычно оборачиваются разочарованием. — Он открыл дверь спальни и, уже спускаясь по лестнице, произнес:

— Я приду завтра рано утром, чтобы проверить, как она.

Тео стоял у окна и наблюдал за тем, как доктор шагал вниз по улице. Как же ему хотелось в тот момент, чтобы Комнинос вдруг опомнился, развернулся и с криком «Эврика!» вернулся к ним.

Из детской кроватки, стоящей в углу, послышались тихие стоны малышки, рожденной едва ли пару часов назад. От страха подрагивали руки, но когда Тео приблизился к кроватке, то обнаружил, что дочь спит, мирно посапывая, а ее пальчики сжаты в кулаки. Немного успокоившись, он присел на край кровати, где спала его жена Джия. Ее лицо выглядело смертельно бледным даже в лучах заходящего весеннего солнца. И хотя сезон жары в Салониках еще не настал, в комнате отчего-то было душно, и Тео заметил, что жена дышала с трудом, но ровно.

Примерно в шесть вечера он наложил ей на лоб холодный компресс. Джия открыла глаза, и сердце Тео пропустило удар:

— Любимая! Ты слышишь меня?

— Где она? С ней все в порядке? — Ее скрипучий шепот был едва различим.

Тео взял малышку на руки, от волнения задержав дыхание, и передал ее в руки матери. Глазки дочь все еще не открывала, но зато ее рот широко распахнулся, когда она уткнулась в грудь матери.

— Елена, — прошептала Джия, счастливо улыбаясь. — Мы назовем ее Елена.

Тео наклонился и поцеловал ее в лоб:

— Ты можешь пойти на поправку. Доктор Комнинос...

— Я знаю, что он сказал, — улыбнулась Джия. Она всегда ценила способность Тео видеть светлое во всем, что бы ни происходило, но в этот раз одной надежды не хватит. Дочка заворочалась в ее руках, напрягая последние силы. Джия подняла ее к себе, поцеловала в лобик, нос и щеки. Вдруг она представила все те моменты жизни Елены, которые ей самой никогда не доведется увидеть, и горло болезненно сжалось. Неужели это расплата за их недавнее прошлое? Из их лжи наконец вышло хоть что-то хорошее, но дочь будет расти без нее.

Стараясь справиться с эмоциями, она подняла взгляд на Тео:

— Я сохранила твой секрет. Теперь ты должен хранить мой.

Тео лег рядом и обнял жену с дочерью, не желая их отпускать. Спустя восемь часов стало ясно, что конец уже близок. Тео, поборов желание остаться в кровати с семьей, сел за рабочий столик и принялся писать на листке: то, что должно было стать короткой запиской, в итоге обернулось письмом на два, а затем и три листа. Ближе к концу он понял, что все это пустое, скомкал бумагу и бросил в ведро. Тео смотрел на личико Лены, новый луч света в его жизни.

Спустя пять часов подошел доктор Комнинос, лишь для того чтобы подтвердить смерть Джии. Вместе с ним в дом явилась и медсестра, которая научила Тео проверять температуру молока с помощью тыльной стороны запястья,

показала, как правильно менять пеленки, рассказала, как делать массаж ножек со специальным маслом из абрикосовой косточки, а также объяснила, как накладывать прохладный компресс, если опять поднимется жар.

Но для начала ему нужно было разобраться с прошлым. Взяв еще один лист, он начал писать. На этот раз без лишних деталей и сразу переходя к сути:

Я не могу быть с тобой. Мне нужно думать о девочке. Пожалуйста, больше не связывайся со мной.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Моя цель создавать иллюзии и развлекать. Я бы ни за что на свете не стал бы вас обманывать.

— Говард Терстон

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сентябрь 1938, Лондон, Англия

- Как думаешь, сколько их там?
- Думаешь, красавчики там есть?
- Ох, Сьюзи, посмотри сама!

Лена Пападопулос с интересом разглядывала девочек, стоящих в паре метров от нее. Они собрались в коридоре, ведущем в покои Хораса, директора цирка, изо всех сил пытаясь подслушать, что же происходит за закрытыми дверями.

Лора, акробатка из Брайтона, завязав волосы в хвост, тихонько кралась к дверям, ступая по бархатному голубому ковру. Сам Хорас называл ее цирковым хамелеоном за то, что та обладала редким умением на лету схватывать любой цирковой трюк — от элементов воздушной гимнастики до упражнений на трапеции и акробатических номеров.

— Может, с этого угла что-то удастся разглядеть. — Она встала на мостик и наклонила голову так, что подбородком касалась пола вагона. Лене показалось, что в такой позе Лора походила на перевернутую морскую звезду.

— Да вставай уже! Это бесполезно, — простонала Сьюзи; тугие локоны рыжих волос пружинили у ее лица. Цирковая труппа подобрала ее в Дублине год назад, и теперь девушка тренировалась, постигая водную акробатику. — А слабо дойти до самой двери?

— Нет, спасибо.

— Да давай, — подначивала Сьюзи. — Я дам тебе шиллинг.

— Нет. — Лора вытянула руки вперед и легла на грудь, делая кувырок, после чего поднялась.

Сьюзи скорчила недовольную гримасу и развернулась, уставившись своими зелеными глазами на Лену:

— Ну здравствуй, Лена. Я тебя и не заметила.

Та покраснела. Она даже не думала, что Сьюзи может знать ее имя.

— Привет, — чуть ли не пропищала она, пытаясь выпрямить спину. На лице Сьюзи расплылась широкая улыбка:

— А ты бы не хотела сыграть с нами в игру? — Она указала на дверь, ведущую в покои Хораса. — Если пойдешь туда и подслушаешь, о чем они судачат, я дам тебе фунт.

— Сьюзи! — сердито окрикнула ее Лора.

— Я с удовольствием сыграю, — отозвалась Лена, довольная тем, что ее приняли в игру. С лица Сьюзи не сходила хитрая улыбка. Девушка кивнула на дверь и сказала:

— Как только будешь готова — вперед.

Лена глубоко вдохнула и покатила свое кресло по коридору. Съехав с ковра на пол, она почувствовала, как желудок буквально свело от предвкушения, и твердо решила показать себя с лучшей стороны. Наконец ей выпал шанс стать другом для Сьюзи и ее компании. Все любили Сьюзи. Ведь она, как светлячок, обладала харизмой и притягивала к себе внимание мальчишек и девчонок вокруг нее. Подъезжая к дубовым дверям, Лена уже представляла, как они вместе будут сидеть за обедом, а остальная ребятня станет толпиться вокруг них.

Покои Хораса располагались в отдельном вагоне, который вполне соответствовал его статусу богатого импресарио. Два огромных прожектора были направлены на

двери, чтобы Хорас — не важно, входит он или выходит из своих покоев — всегда находился в центре внимания. В центре на каменном пьедестале стояла фарфоровая ваза династии Мин. У самых дверей мозаикой были выложены инициалы Хораса.

Лена остановилась прямо около дверей, поставив коляску так, что могла без труда заглянуть в замочную скважину.

— Ну? — громко шикнула Сьюзи.

Лена сощурилась и откинула в сторону дверной молоток, мешающий смотреть. Она разглядела двух девочек примерно своего возраста, мальчика, на вид чуть старше нее, группу юношей, скорее всего, тоже подростков, пару взрослых, несколько малышей и маму, качающую на руках младенца.

— Думаю, я вижу его. Высокий, с черными волосами? Держит шары для жонглирования?

— Это он! — живо закивала Сьюзи. — Что он говорит?

Лена приложила ухо к замочной скважине и прислушалась. Пытаясь расслышать хоть какие-то слова, она думала о предстоящем вечере посвящении — сакральном мероприятии, знаменующим начало нового тура цирка «Мир чудес». Каждый год ровно перед началом очередного тура Хорас закатывал роскошный пир. Быть принятым в «Мир чудес» — это величайшая честь, и Хорас не жалел денег, чтобы отметить это событие. Прошлогодний вечер прошел в духе «Алисы в Стране чудес». Подавали суп черепахи Квази, торты, украшенные в стилистике сказки, а на бокалах шампанского были наклеены бумажки с надписью «Выпей меня». После ужина все высыпали наружу и играли в крокет деревянными молоточками в форме фламинго, бегали по лабиринту, сделанному из кустов белых роз, на каждой из которых красовались брызги красной краски.

Темой этого года стала классическая русская сказка о Жар-птице, и Лена не находила себе места, грезя о стопках пышных блинов, испеченных поваром Марио.

— Ну, нравится он мне. И что с того? — кричала Сьюзи.

Лена вспомнила о задании и вновь сконцентрировалась, напрягая слух, чтобы разобрать слова только что принятых в труппу. Но все ходили по кабинету туда-сюда, и это мешало расслышать хоть что-нибудь. Тогда она вновь глянула в замочную скважину и попыталась прочитывать по губам.

— Помнишь парнишку по имени Джейми? Ты тогда удачно вмешалась! — продолжала негодовать Лора. — Я всего лишь хочу, чтобы те события опять...

Вдруг Лена откатила свое кресло назад и шикнула:

— Быстрее! Они идут!

Сьюзи и Лора сорвались с места и пулей понеслись к тяжелым вельветовым шторам, которые висели у входа. Только когда девочки спрятались за занавесками, Лора оглянулась и поняла, что они натворили. Ее лицо скривилось, пока она наблюдала, как Лена пытается уехать на кресле-каталке подальше от двери.

— Лена! За вазу! — прохрипела Лора, кивая в сторону каменного пьедестала.

Добравшись до своего никудышного укрытия, Лена перехватила взгляд Лоры, в котором читалась лишь жалость.

— Мне жаль, — сказала та одними губами, после чего скрылась за занавеской с такой скоростью и грацией, которых Лене в жизни не видеть.

Она покачала головой и попыталась заехать на пьедестал ближе к вазе, однако правое колесо заклинило.

— Давай же! — пробормотала она, нагибаясь, чтобы проверить, что не так. — Почему бы тебе просто не проехать еще чуть-чуть?

Колесо застряло в зазоре между двумя мраморными плитками.

— Лена! — послышался издалека голос Лоры. Лена подняла взгляд и увидела, что золотая ручка двери в кабинет Хораса начала проворачиваться. У нее не осталось времени, а потому она решила просто сдать назад, изо всех сил надавив на колеса. «Отлично! — говорила она самой себе. — Мне бы только от дверей отъехать по-дальше. Вот так. Почти сумела!»

Она бросила взгляд на дверь. Хорас стоял в проеме спиной к фойе, а потому не видел их. Еще бы пара секунд...

— И как я сказал, ужин начнется в...

Бах!

Хорас резко замолк, и испуганные крики новых участников труппы заполнили фойе. Несколько секунд Лена просто лежала на полу, боясь даже смотреть вокруг. Собравшись с силами, она открыла глаза и увидела валявшиеся повсюду фарфоровые черепки. Ей захотелось провалиться сквозь землю.

— Лена! — заорал Хорас. — Что ты натворила?

Боковым зрением она заметила кончики рыжих локонов Сьюзи, скользнувших за шторы.

— Я случайно, — сказала она, силой заставляя себя посмотреть на Хораса.

Он стоял на коленях, собирая черепки разлетевшейся на сотни кусочков вазы:

— Ты хоть понимаешь, насколько она дорогая?

— Простите меня, — прошептала Лена, мечтая оказаться где угодно, но только не здесь. Не такое впечатление о себе она хотела оставить у новых членов труппы. Все теперь недобро пялились на нее.

— Что с ней не так? — Девочка моложе Лены ткнула в нее пальцем.

Хорас тяжело поднялся с пола и отряхнул от фарфоровой пыли полы своего вечернего синего пиджака.

— Друзья, хочу представить вам Лену — дочку вашего коллеги и иллюзиониста Тео Пападопулоса.

Лена вжала голову в плечи, надеясь, что Хорас просто ее отпустит. Она знала, какой вопрос последует, и не ошиблась, услышав:

— А как она стала такой? Надеюсь, не во время работы в цирке? — спросил молодой человек, который, судя по сумке с кинжалами, перекинутой через плечо, был новым метателем ножей.

— Разумеется нет, — быстро ответил Хорас. — Мы поддерживаем высочайшие стандарты безопасности в нашем «Мире чудес Беддингтона и Стерлинга». За почти десять лет работы мы не потеряли ни одного участника труппы по причине травм. Хотя редкие растяжения и переломы, естественно, случаются в таком бизнесе. Но Лена, — он продолжил, указывая на нее, как на экспонат в музее, — увы, родилась такой.

— Бог мой, — прошептала одна из девочек.

— И все же мы очень рады, что она является частью нашего коллектива, — сказал Хорас. В его голосе сквозила притворная забота. Лена сглотнула. Она не боялась его, но не могла отделаться от чувства, что оплата всех ее бесконечных счетов — лишь способ удержать ее отца на этой работе. — Уважаемые коллеги, я приношу извинения за неудобство. Номера вагонов, в которых будете жить, написаны на выданных вам ключах от ваших купе. А теперь вы можете разместить там свои вещи. А что касается тебя... — Он повернулся к Лене, взгляд его был полон презрения. — Надеюсь, ты не доставишь нам еще больше проблем хотя бы до конца сегодняшнего мероприятия.

Лена кивнула и покатила на своем кресле прочь, не осмеливаясь оглянуться на толпу пялящихся на нее циркачей.

* * *

— Как думаешь, во сколько они сегодня закончат? — спросила Лена. Прошло несколько часов, и гувернантка Клара Смит уже успела заплести ей волосы и подвязала косички темно-синей лентой.

— А почему ты спрашиваешь?

Лена указала на книгу, лежащую на ее прикроватной тумбочке:

— Я дочитала до того места, где Джордж и Тимми нашли карту сокровищ!

— Могу я посоветовать тебе хотя бы на вечер забыть о чтении и попытаться завести парочку друзей? Уверена, у нас есть новенькие ребята. — Клара сдержанно улыбнулась, а Лена лишь нахмурилась.

— Я им не понравлюсь.

— Но они же не *знают* тебя! Если заговоришь с ними, то будешь приятно удивлена.

Лена покачала головой, задумавшись о том, в какой момент взрослые перестают понимать, каково это быть ребенком.

— Не буду. Они лишь притворятся в присутствии взрослых, что рады знакомству, а затем будут игнорировать меня, как и все, — сказала она.

— Это не так.

— Это так! — настаивала Лена. — Все взрослые такие. Я знаю, потому что Йохан в присутствии других всегда дружелюбен ко всем, но вот когда вокруг никого, он корчит мне рожи.

Клара рассмеялась, а Лена улыбнулась ей в зеркале. Ее гувернантка совершенно не походила на тех, о которых она читала в книгах Энид Блайтон. Она выросла в районе Лондона, который назывался Фулхэм, и пришла в жизнь Лены три года назад. Устав от недостойных ухажеров, которые упорно захаживали в дом ее родителей, и желая применить свое образование, она пошла на то, чего ни

одна женщина ее лет делать бы не стала — присоединилась к цирку.

Лена любила ее. Ей нравились Кларины твидовые костюмы и запах душистого шампуня, которым она каждую пятницу мыла голову. Даже первые буквы слов, которые та аккуратно выводила в кроссвордах за завтраком по выходным, казались Лене просто очаровательными. Ей нравилось, что Клара занимается достойной работой, не связанной с цирковыми выступлениями, нравилось то, как она подбирала помаду в тон одежде, как ее темные волосы завитками обрамляют лицо. Ей нравилось, что гувернантка была достаточно молодой, чтобы по-дружески болтать с ней и вечерами играть в карты и шашки, но достаточно взрослой, чтобы быть строгой, когда это требовалось.

— Лена?

Улыбка пропала с ее лица. Она обернулась и увидела отца — Тео Пападопулоса, который вернулся из города. Пока он стягивал с рук серые перчатки, она заметила румянец от осенней прохлады на его щеках и носу.

— Папа. Ты вернулся...

— Именно так, — сказал он, вешая куртку и накидывая на другой крючок шарф. — Клара, ты могла бы оставить нас с дочерью наедине? Я бы хотел с ней поговорить.

Гувернантка встала:

— Разумеется, сэр. Использую это время, чтобы погладить платье.

Тео улыбнулся гувернантке и, как только та покинула комнату, сел перед дочерью и заговорил:

— Ну что? Как день?

— Нормально. Я почти дочитала книгу.

— Уже? Боже, думаю, я не удивлюсь, узнав, что ты самый быстрый читатель по эту сторону океана. А что-нибудь еще произошло?

Лена прикусила губу, раздумывая, сумеет ли соврать насчет вазы. Вот только отец уже все знал. Все родители,